

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ читателю ранний рассказ Николая Гумилева можно отнести к незаслуженно забытым страницам его творческого наследия. Назвать опубликованным этот очерк можно лишь весьма условно, хотя напечатан он был, даже дважды. Впервые в 1907 году в № 3 журнала «Сириус», второй раз — в 1984 году в Венском альманахе для славы. Журнал «Сириус» издавался в Париже и просуществовал всего полтора месяца — вышло три двухнедельных книжки, и журнал заглох. Издавали его художники Мстислав Фармаковский и Александр Божерянов, отвечающие за критический и художественный отделы, и молодой поэт Николай Гумилев (ему было неполных 21). Журнал претендовал на элитарность.

О «Сириусе» Гумилев пишет Валерию Брюсову в письме от 8 января из Парижа: «...Несколько русских художников, живущих в Париже, затеяли издавать журнал художественный и литературный. Так как среди них пишу я один, то они уговорили меня взять на себя заведывание литературной частью с титулом редактора — издателя. Его направление будет новое, и политика тщательно изгоняема. ...Теперь Валерий Яковлевич, если бы Вы могли дать нам что-нибудь свое — стихотворение, рассказ или статью, — Вы еще раз доказали бы свою бесконечную доброту ко мне. К несчастью, дело настолько молодое, что мы ничего не можем сказать о гонораре. Мы, его устроители, работали совершенно бесплатно. Если же Вас смутит незнание идей журнала, то Вы могли бы, прислав что-нибудь, подождать первого номера и потом телеграммой известить меня, согласны Вы на помещение Вашего материала или нет...» Но ни одного произведения Брюсова на страницах «Сириуса» так и не было напечатано.

Публикуемый рассказ появился в журнале за подписью «Анатолий Грант». В письме от 24 марта к Брюсову Гумилев сам раскрывает псевдоним: «...Вам я открою инкогнито: Анатолий Грант — это я. Что же мне было делать, если у нас совсем нет подходящих сотрудников. Приходится хитрить, и истина об Анатолии Гранте — тайна даже для моих компаньонов...».

Артем Ключников.

Николай ГУМИЛЕВ

Моск. комсомолец. — 1991. — 259 эк.

ВВЕРХ ПО НИЛУ

(Листы из дневника)

9 мая.

Я устал от Каира, от солнца, туземцев, европейцев, декоративных жирафов и злых обезьян. Каждой ночью мне снится иная страна, знакомая и прекрасная, каждой ночью я ясно помню, что надо делать, но, просыпаясь, забываю все. Проходят дни, недели, а я все еще в Каире.

11 мая.

Завтра решится все. Сегодня на вечере у французского консула я встретил высокого англичанина с надменной линией губ и детски-веселыми голубыми глазами. Мне сказали, что он художник и едет к истокам Нила. И при первом взгляде я понял, что он знает многое. Если вообще тайна жива среди арийских народов, то англичанин чаще других владеет ею. Я пригласил его на кофе и с тревогой ожидал ответа. Он обещал прийти.

12 мая.

- Сигару, мистер Тьерри?
- Благодарю, мистер Грант.
- Говорят, в истоках Нила лихорадки и москиты.
- Да, но там есть также священные крокодилы особенной редкой породы, изумрудные.
- Арабы интереснее негров.
- Один нищий дервиш рассказал мне, что в тропических лесах еще могучее племя мудрых эфиопов под властью потомка короля-волхва Балтазара.
- Это вроде романов Райдера Хаггарда.
- Нисколько! Райдер Хаггард был доволен, встречая свирепых работяг, увертливых карликов и красивых девушек с белой кожей. Но мы — люди тысячи девятсот шестого года, мы ищем скрытого. И мы находим тайны там, где Хаггард не увидел бы ничего, кроме высохшей пальмы и больной негрятки.
- Но где же золото, пурпур и роскошь черных царей?
- Вы видите эту золотую монету? Разве она радует вас; а эти красные шелковые занавески, этот ковер из старой Персии, на котором, быть может, заклинали солнечных духов, все это слишком неисключительно скрывает свою тяжелую скуку. И мне кажется, что вот-вот и наши великолепные здания вдруг раскроются неудержимым гигантским зевком. Я был бы огорчен, если бы в моем путешествии встретил что-нибудь подобное.
- Что же можно встретить?
- Новое познание, которое укажет другую сторону всех вещей. Найдите его, и вы будете изумлены, как вы могли считать облако атмосферным явлением, когда оно на самом деле звездокрылая бабочка из царства примитивов Джиото. И кокосовый орех расскажет вам больше, чем книги всего мира.
- Если вы позволите, мистер Тьерри, я поеду с вами.
- Тогда надо торопиться, мистер Грант, я выезжаю завтра на рассвете.

24 мая.

Мы едем почти две недели и сегодня высадились на берег около маленькой пирамиды, неизвестной туристам. Поблизости не было ни души, и мы вошли в нее без проводника. Лестница висела, поднималась и опускалась и внезапно окончилась пугающей заманчиво-черной ямой. Мистер Тьерри лениво пожал плечами и пошел наверх, а я привязал веревку к выступу скалы и начал спускаться, держа в руке смоляной факел, ронявший огненные капли в темноту. Скоро я добрался до сырого, растреснутого дна и, присев на камень, огляделся. Мой факел освещал только часть пещеры, старую, старую и странно родную.

Где-то сочилась вода. Валились остатки рассыпавшейся мумии. Мелькнула и скрылась большая черная змея. «Она никогда не видела солнца», — с тревогой подумал я. Задумчивая жаба выползла из-за камня и, видимо, хотела подойти ко мне. Но ее пугал свет факела.

Мне стало вдруг так грустно, как никогда еще не бывало. Чтобы рассеяться, я подошел к стене и начал разбирать полустертую иероглифическую надпись. Она была написана на очень старом египетском, много старше луврских папирусов. Только в Британском музее я видел такие же письмена. Но, должно быть, благословение задумчивой жабы прояснило мой ум, я читал и понимал. Это не был рассказ о старых битвах или рецепт приготовления мумий. Это были слова, полные сладким пьяным огнем, которые ложились на душу и преображали ее, давая новые взоры, способные понять все.

Я плакал слезами благодарности и чувствовал, что теперь мир переменится, одно слово... и новое солнце заплывет в золотистой лазуре, и все ошибки превратятся в цветы.

Мой факел затрещал и начал гаснуть. Но я прочитал довольно. Я начал подниматься и при последней вспышке огня опять увидел черную змею, мелькнувшую неясным предостережением, и милые, милые святые буквы.

Я без труда отыскал мистера Тьерри, который сидел неподалеку и рисовал мертвого крокодила. При моем приближении он поднял на меня свои детские, незнающие глаза. Я улыбнулся и сказал мое тайное слово, которое я принес из глубины пирамиды. Солнце закружилось, запрыгало и покатилося, как черный шар, в бездонность, а на его месте загорелось слово: «Ты не дочитал, несчастный, и то, что ты сказал, яд!» В ужасе упал я на землю и как сквозь сон слышал встревоженный земной голос: «Что с вами, мистер Грант?»

17 июня.

Три недели я пролежал в сильной нильской лихорадке и только сегодня могу снова приняться за дневник. Мистер Тьерри привез меня обратно в Каир и ухаивал за мной, как за ребенком. Но, кажется, он о чем-то догадывается, потому что, когда я сказал ему, что мы должны возвратиться к пирамиде, он начал распространяться о неоплатониках и их солнечных заклинаниях и, наконец, сказал, почти не скрываясь: «Бойтесь задумчивых жаб».

Откуда он знает?